

— Шесть дней назад, ранним утром, ко мне явился человек с жетоном, — заговорил один из стражников. — От меня требовалось лишь тайно провести его в управу Кайфэна и передать Чэнь Сюню.

— И как же тебе удалось протащить его внутрь? — спросил Чжао Цзи.

— Ваше Величество, ничтожнейший служит под началом судьи Западного крыла. Мне то и дело приходится водить на допросы всяких мелких воришек и мошенников. Если бы кто спросил, я бы просто ответил, что задержанный нужен господину Цяню. Большинство служивых дальше и расспрашивать бы не стали.

— Ты запомнил, как он выглядел? — прищурился император.

— На нем был глубокий капюшон, а лицо скрывала маска, так что разглядеть черты не удалось. Но по сложению он точь-в-точь как господин Хэ.

Чжао Цзи перевел тяжелый взгляд на следующего:

— Где Чэнь Сюнь?

Чэнь Сюнь тут же бухнулся на колени и забился лбом о пол:

— Ничтожный здесь! Меня позвал второй брат Чжан. В тот день мне велели ждать человека с жетоном. Как только брат Чжан привел его, я, выполняя уговор, препроводил гостя в пустующую комнату. А когда тот вышел наружу... он уже выглядел точь-в-точь как господин Хэ!

Чжао Цзи не собирался упускать ни единой детали:

— И не было никакого отличия?

— Если приглядеться повнимательнее, то едва заметные различия все же имелись, да и голос у него был другой. Сверху мне приказали неотлучно следовать за ним: если ему нужно было что-то сказать, он сначала шептал это мне, а я уже передавал остальным. За самим же господином Хэ присматривал брат Пёс. Мы вчетвером — я, брат Пёс, У Нью и Фэн Дали — действовали сообща, чтобы настоящий судья и этот самозванец с жетоном случайно не столкнулись в управе и не выдали себя.

Судя по всему, мастерство маскировки у незваного гостя было далеко от совершенства. Подобное дерзкое вмешательство в дела государственной важности сошло заговорщикам с рук лишь потому, что внутри управы у них имелись сообщники, обеспечившие безупречноекрытие.

Хэ Цивэй впери́л яростный взгляд в одного из стражников, готовый растерзать его на месте.

— Ах ты паршивец! Так это ты в тот день увивался за мной тенью? Оказывается, ты просто шпионил в пользу этих бандитов!

Судью прошиб холодный пот. Пытаясь воскресить в памяти события того злополучного дня, он с ужасом осознал, что не заметил ничего подозрительного. Для него то дежурство ничем не отличалось от сотен точно таких же серых будней. Ни единой зацепки, ни малейшего намека на подвох.

Но если вдуматься глубже, масштаб бедствия оказывался куда страшнее.

Самозванец не просто походил на Хэ Цивэя телосложением — он виртуозно подделал подпись Чжао Цяня и почерк самого судьи на экзаменационных свитках. Сходство было настолько абсолютным, что даже сами авторы не почуяли подвоха. А это значило лишь одно: враг готовился загодя, просчитав каждый шаг.

Кто раздобыл для них образцы почерка Чжао Цяня и Хэ Цивэя? Откуда заговорщикам стали известны точные мерки судьи — рост, объём плеч? Первые догадки пугали, но при детальном анализе по спине пробежал настоящий ледяной ужас.

В управе Кайфэна чиновники лишь отдавали приказы, тогда как вся практическая работа ложилась на плечи рядовых стражников. Они были вездесущи, без них механизм правосудия просто не мог функционировать. Но как уберечься от предательства тех, кто постоянно находится рядом, у тебя под носом? Это была классическая слепая зона — мрак под самым светильником.

«И что за птица этот новый глава Банды Денежного Листа, вернувшийся из Городка Двух Стягов? — размышлял император. — Суметь за столь короткий срок перестроить разрозненную шайку, превратив её в отлаженный механизм, и так филигранно разыграть их сильные стороны...»

Определенно, фигура незаурядная.

Мысли Чжао Цзи вновь вернулись к загадочному Городку Двух Стягов.

«Почему это название кажется мне таким знакомым? Это явно не заштатная глухомань, а какое-то важное сюжетное место. Но откуда оно? Черт, почему я никак не могу вспомнить?»

Словно угадав его замешательство, Ли Сюньхуань бесшумно приблизился и вкрадчиво прошептал на ухо:

— Поговаривают, Ваше Величество, будто нынешний глава Банды Денежного Листа — выходец

из внешних учеников Горы Белого Верблюда. Впрочем, слухи эти весьма туманны и подтверждения пока не нашли.

Вторая часть фразы уже не имела значения. Первые же слова разорвались в сознании Чжао Цзи подобно громовому раскату.

«Западные земли... Великая пустыня... Городок Двух Стягов! Гора Белого Верблюда! Вот оно что! Теперь понятно, откуда эта навязчивая фамильярность в названиях!»

«Но ведь Гора Белого Верблюда — это же родовое гнездо Западного Яда, Оуян Фэна, и его похотливого племянника Оуян Кэ!»

«Да что вообще не так с этим миром?! Мне казалось, что появление ожившего Ли Сюньхуаня из романа "Многоопытный мечник и его верный клинок" — это уже предел абсурда. Но это-то откуда взялось? С какого перепугу здесь нарисовалась Гора Белого Верблюда из "Легенды о героях-кондорах"?!»

«Раз уж тут всю действует Ли Сюньхуань, откуда здесь взяться Горе Белого Верблюда?!»

«В какую вообще дыру меня занесло после перерождения?!»

Внезапное открытие потрясло Чжао Цзи куда сильнее, чем сам факт того, что какая-то левая секта тайно сует нос в государственные дела.

«Может, просто совпадение? Тезки?»

Стараясь сохранить невозмутимый вид, Чжао Цзи едва слышно спросил у склонившегося к нему мастера:

— И кто же сейчас заправляет на этой Горе Белого Верблюда?

Заразившись нервным напряжением императора, Ли Сюньхуань тоже перешел на заговорщический шепот:

— Оуян Ле, Ваше Величество.

«Оуян» все еще оставался «Оуяном», но имя Оуян Ле император слышал впервые. Сердце Чжао Цзи, колотившееся где-то в горле, опустилось чуть ниже.

Но стоило ему перевести дух, как Ли Сюньхуань невозмутимо добавил:

— Однако делами в Поднебесной заправляет и решает все вопросы его младший брат — Оуян Фэн.

Тут уж израненное сердце Чжао Цзи окончательно рухнуло, разлетевшись на мириады несклеиваемых осколков.

В притихшем Зале Гражданской Добродетели раздался долгий, протяжный вздох. Присутствующие чиновники, погруженные в свои невеселые думы, разом вскинули головы. В этом монаршем вздохе сквозила такая беспросветная тоска и вселенская скорбь, что у любого сжалось бы сердце.

Император сокрушенно покачал ногтями, оперся локтем о подлокотник резного трона и устало прижал пальцы к переносице, массируя ноющий лоб.

«Ладно, черт с вами. Пускай».

С трудом преодолев накатившую слабость, Чжао Цзи медленно, словно дряхлый старик, опустил руку.

«Пусть приходят все разом. Семь бед — один ответ, да и вшами обросшему новые укусы не страшны».

Собственно, сами пойманные сообщники из Банды Денежного Листа большой опасности не представляли.

Их организация состояла сплошь из уличных торговцев, лоточников да носильщиков, решивших сплотиться ради выживания. В этом крылась их главная сила, но в этом же заключалась и их величайшая уязвимость.

По одному сигналу они могли раствориться в толпе на улицах столицы, стать невидимыми. Однако это означало и то, что они неразрывно связаны с миром обычных горожан.

Взять хотя бы этих семерых заговорщиков, стоявших перед императором. Их личности были подлинными, а значит, у них имелись вполне осязаемые семьи.

Редко кто в этом мире одинок от рождения. Пока эти семеро дрожали в императорском дворце, там, за стенами Запретного города, жили их престарелые родители, братья, сестры, жены и дети.

Теперь, когда они оказались в ловушке, глупо было рассуждать о преданности. Банда Денежного Листа по своей природе была слишком аморфной структурой, чтобы взрастить в своих рядах фанатиков. Но даже будь эти люди образцом верности, готовыми пойти на плаху ради своего лидера, решились бы они обречь на лютую смерть собственную плоть и кровь?

Ответ лежал на поверхности: стоило Ли Сюньхуаню извлечь на свет их тайные жетоны и прямо назвать имена, как они тут же, перебивая друг друга, бросились каяться.

Место человека в мире определяет его кругозор.

С точки зрения этих бедолаг, они лишь выполняли мелкие поручения своего старосты. Ничего из ряда вон выходящего.

Управа Кайфэна — чай, не императорская темница, туда ежедневно шастают бабы в поисках нерадивых мужей. Ну провели они внутрь человека, подумаешь, невидаль! То, что пришлось укрывать его от взора господина Хэ, они тоже не считали тяжким грехом.

К секретным архивам они не прикасались, в закрытые покои не ломились. Никого не зарезали, пожаров не устраивали. Самое страшное, что они совершили — это зажали в углу госпожу Цуй-Дун да малость поколотили её, чтоб не шумела.

Но ведь женщина жива-здоровая, вон стоит посреди зала. Какое наказание их может ждать за такую чепуху?

В то время как у Чжао Цяня, Хэ Цивэя, Хань Чжуняня и даже у Ли Сюньхуаня, прекрасно понимавших всю чудовищность произошедшего, лица сделались землисто-серыми от гнева, двое ни в чем не повинных дежурных стражников, которые лишь выполняли «просьбы» фальшивого судьи, мелко дрожали от страха, не понимая, что происходит.

А вот семеро заговорщиков, владевших боевыми искусствами, вовсе приободрились. Несмотря на бледность от потери крови из раненых ног, они заискивающе заглядывали императору в глаза, искренне полагая, что за чистосердечное признание их немедленно отпустят домой.

Даже сейчас эти стражники так и не поняли, в какую бездну угодили. Они понятия не имели, что их мнимая «шалость» нанесла сокрушительный удар по авторитету всей династии Сун.

Самовольно примерить личину государственного мужа, да еще и способствовать проникновению чужака в присутственное место — по законам империи это каралось как государственная измена.

— Неслыханная дерзость! — не выдержал Хань Чжунянь, слушая их бессвязный лепет. Он резко поднялся со своего места и низко склонился перед императором. — Ваше Величество! Покорнейший слуга молит вынести указ о немедленном истреблении бунтовщиков из Банды Денежного Листа. Любой житель столицы, уличённый в связях с этим преступным сбродом, должен быть казнён на месте без суда и следствия!

После этих слов семеро арестантов притихли, словно придушенные куры. Лица их исказились от ужаса, рты беззвучно хватали воздух. Лишь мгновение спустя зал огласился истошными

воплями:

— Помилуйте! Ваше Величество, мы невиновны! Нас оговорили!

Чжао Цзи прекрасно понимал мотивы канцлера.

Ярость Хань Чжуняня была оправданна: заговорщики сработали пугающе чисто.

Даже если закрыть глаза на то, с какой стати лесные разбойники решили вырезать семью государственного чиновника, оставался главный вопрос. Если бы госпожа Цуй-Дун не сумела бежать, если бы не встретила Ли Сюньхуаня и не пробилась во дворец, чтобы броситься в ноги императору — это дело похоронили бы в архивах Управы Кайфэна без шума и пыли.

Если сегодня безродные бродяги хозяйничают в судах, то что помешает им завтра просочиться во внутренние покои дворца и приставить нож к горлу самого государя?

И даже если отбросить худшее: раз уж они провернули всё столь гладко, не оставив улики, то где гарантия, что подобные игры за спиной престола не происходили раньше?

Чиновника шестого ранга прикончили среди бела дня, вырезав весь его дом, и никто даже ухом не повел. Стоит этой вести разлететься по столице, и чиновничество охватит паника.

Как Хань Чжуняню после такого стоять на утренней аудиенции? Как быть уверенным, что вельможа, стоящий плечом к плечу с тобой, не окажется переодетым убийцей?

Произошедшее сегодня переходило все границы. Малейшая утечка информации грозила свергнуть империю в хаос.

Банду Денежного Листа следовало стереть с лица земли, а её заправил — известить под корень.

— Пощадите, Ваше Величество! Помилуйте! — заголосили стражники, наконец осознав, под какой топор их подвели. Зал наполнился отчаянными рыданиями и мольбами о прощении.

Чжао Цзи не стал торопиться с приговором. Повернувшись к замершим у дверей гвардейцам, он негромко приказал:

— Уведите всех в Тяньлао. Вы сами всё слышали — эти разбойники коварны и хитры, глаз с них не спускать. И помните: о том, что сегодня здесь говорилось, никто за пределами этого зала знать не должен. За малейший слух — смертная казнь на месте.

— Слушаемся, Ваше Величество! — рявкнули гвардейцы.

Вышколенные воины даже бровью не повели, услышав о столь чудовищном заговоре. Без лишней суеты они шагнули вперед, хватая арестованных под руки и увлекая их прочь.

— Пойдите. Того, что на полу, оставьте здесь, — бросил Чжао Цзи, когда один из солдат потянулся к телу человека, которого император незадолго до этого столь удачно вывел из строя увесистым головным убором.

Гвардеец тут же отпустил обмякшее тело, позволив ему мешком повалиться на каменные плиты, и молча последовал за своими товарищами.

<http://bllate.org/book/18987/1917845>